

Истории этих судеб, иногда подробно рассказанные Таллеманом, как например трагическая история фаворита Людовика XIII — Сол-Мара, иногда только вскользь упомянутые, помогают ощутить ту особую атмосферу французского двора, с ее политическими интригами, тайными стоворами, секретными поручениями и любовными свиданиями, которая элакома нам по «Трем мушкетерам» Дюма, по «Сен-Мару» Вьиньи, по «Марион де Лорм» В. Гюго. Их авторы, обращаясь к этим драматическим и ярким страницам французской истории, по-своему осмыслили и освещали ее события — применительно к тем задачам, которые диктовала каждому из них собственная эпоха. Стремясь, в соответствии с принципами романтизма, воспроизвести «местный колорит» изображаемой эпохи, они создали несколько опоздывающую картину жизни французского двора, во многом определившую те представления, которые вот уже почти полтора столетия живут в сознании широкого читателя. «Занимательные истории» Таллемана де Рео разрушают эти представления. Жизнь двора показана в них без парадных одежд, более грубой, циничной и будничной — такой, какой она представлялась современнику, насмешливому парижскому буржуа XVII в.

* * *

Наряду с жизнью двора, которую Таллеман сам не наблюдал и описывал, основываясь на собранных им материалах, в его книге нашла свое отражение и жизнь современного ему Парижа, очевидцем которой он был сам. В историях, посвященных отдельным своим современникам, он нарисовал множество различных людей, характерных для своей эпохи и в какой-то мере определивших ее облик.

Таллеман де Рео наблюдал нравы французского общества в такой период его истории, когда для буржуазии характерно было отчуждение от народа и тяга к дворянству. Аренда земель, покупка должностей, назначение пенсий за интеллектуальный труд, выгодный брак — все это давало буржуа возможность рано или поздно получить право на дворянский титул, и буржуазия широко и охотно пользовалась этим правом. Проблема взаимоотношений обеих сословий несомненно стоит в центре внимания Таллемана де Рео, и оценка человеческих качеств чаще всего дается им применительно именно к этой проблеме. Самый факт принадлежности к дворянству или буржуазии еще ничего не определяет в его симпатиях или антипатиях. Но он всегда точно обозначает, является ли человек потомственным дворянином или выходцем из буржуазных кругов. Разумеется, он не склонен осуждать буржуа, добившегося дворянских привилегий и тем самым обеспечившего себе и своим детям положение в обществе. Но если он лишь извительно подсмеивается над дворянами, кичащимися своим высоким родом, над теми, кто «презирает всех остальных людей на земле», то с нескрываемым сарказмом относится он